

ПРЕДСТАВЬТЕСЬ

К И Н О З А Л

ПРЕДСТАВЬТЕСЬ

Друг главного героя

В кино Дмитрия МАРЬЯНОВА заметили после "Любви". Хотя впервые на съемочной площадке он очутился в 14 лет - сыграл главную роль в телевизионном музыкальном фильме "Выше радуги". Потом, в 17, работал с Эльдаром Рязановым в "Дорогой Елене Сергеевне" вместе с Федей Дунаевским, Андреем Тихомировым и Натальей Шукиной. Параллельно сдавал экзамены в Щуку и играл на сцене театра-студии Вячеслава Спесивцева Маугли, Гека Финна и Тиль-Тилья. И вот - "Любовь". Культовый фильм Валерия Тодоровского - и вновь ансамбль из четырех актеров, в котором Дима так точно и сочно сыграл свою партию, что превратил роль второго плана чуть ли не в главную. Именно после "Любви" его, уже игравшего к тому времени Трубадура на ленкомовской сцене и принимавшего участие в представлениях гремевшего на всю Москву студенческого театра "Ученая обезьяна", пригласили сниматься Петр Тодоровский ("Какая чудная игра!") и Сергей Урсуляк ("Русский регтайм").

- Начнем с воспоминаний. Маленький мальчик впервые приходит на съемочную площадку фильма "Выше радуги" и...

- ... превращается в Буратино. В том смысле, что я двигался, как робот. Весь первый съемочный день группа посвятила тому, чтобы вывести меня из зажима. Останавливали камеру, снимали дубль за дублем - ничего не менялось. Я потом смотрел отснятый материал: идет такой деревянный человечек, ручки-ножки не сгибаются. И все это вошло в картину. Ужас!

- Когда ты снимался у Рязанова, тоже ручки-ножки не сгибались? Все-таки мэтр и мальчишка-десятиклассник. Кстати, как он тебя пригласил?

- Его ассистент пришла к нам в театр-студию на "Маугли" и пообещала привести Рязанова. Мы подумали: "Ага! Сейчас! Рязанов придет в этот подвал!" А он вдруг пришел. И ему понравилось. Он выбрал меня и мою одноклассницу Наташу Шукину. Она потом снималась у него в "Небесах обетованных", а сейчас мы с ней вместе работаем в "Ленкоме". А что касается зажима, то на "Дорогой Елене Сергеевне" все было с точностью до наоборот. Трепет, конечно, испытывал, но при этом что устраивал на площадке! Вернее, все устраивали: и Федя Дунаевский, и Андрей Тихомиров, и я. Во-первых, нас невозможно было собрать. Одна Наташа, бедненькая, дисциплинированно сидела на площадке, а мы гоняли в футбол, и вся группа пыталась нас выловить. Вели себя отвратительно. Картина снималась на "Кодаке", а тогда "Кодака" почти не было, делали максимум два дубля, поэтому, когда мы "кололись" и портили пятый, Эльдар Александрович разражался в наш адрес тирадами... (Для непосвященного читателя: "колоться" - это не то, что вы подумали. Это когда актеры на площадке разыгрывают друг друга, и один не выдерживает и начинает смеяться. - О. Ш.) Особенно Федя старался. Он прятался за чью-нибудь спину, тихо говорил гадость, а я хохотал. После этого фильма Рязанов дал зарок больше никогда не снимать детей.

- Ты снимался у режиссеров разных поколений. Есть разница между тем, как работают, к примеру, Валерий Тодоровский и его папа?

- Оба работают легко. Не в том смысле, что

все делают играючи, просто актерам с ними легко. Они говорят с тобой на одном языке. Другое дело, что и Рязанов, и Тодоровский-старший в силу опыта очень точно знают, что им нужно и как это нужно добыть из актера. То есть знают те действия, которые должен совершить ты, и те слова, которые должен сказать он, чтобы у тебя все получилось. В картине "Какая чудная игра!" есть эпизод, когда моего героя разыгрывают, а он думает, что "заложил". Сцена снималась крупным планом. И вот на репетиции я начинаю изображать, как я переживаю, что меня повесят, отца расстреляют, словом, за 5 секунд проживаю всю жизнь. Петр Ефимович смотрел на меня, смотрел, потом спрашивает: "Ну что, наигрался?" А я-то думал - ну гениально! "Наигрался", - говорю. "А теперь, когда тебя спросят: "Заложил?" - просто подними бровь". И я вдруг понял, насколько это сильнее, правильнее и интереснее.

- А то, что в кино тебя всегда приглашают на роль друга главного героя, не заставляет самолюбие?

- Да нет. Ну не подхожу я на главного героя, подхожу на другую роль, но ведь это тоже роль! Можно ведь кому-то задать и такой вопрос: вам не обидно, что пригласили Марьянова, а не вас? Все зависит от того, как ты сам к этому относишься. И чего хочешь от жизни. Если сидеть и думать, что на свете есть Де Ниро и весь звездный аппарат Голливуда, что был такой гениальный артист, как Леонов, то можно сойти с ума. Мой педагог, Юрий Авшаров, всегда твердил: у каждого должен быть свой путь. Поэтому завидовать глупо.

- А завидовал?

- Бывало - я же не ангел. Но потом понял, что это палка о двух концах. Известно же, что мысль материальна. Вот ты кому-то послал флюиды, у человека что-то не получилось. "Хорошо!" - думаешь ты. А потом то же самое случается с тобой. У меня было несколько неудачных антрепризных проектов - может быть, тоже кто-то пожелал, чтобы ничего не вышло? Поэтому такие мысли лучше сразу отбросить.

- Неужели никогда не бывает приступов самобичевания?

- Бывают, конечно. Иногда мимолетные, иногда длительные. Иду вечером после репетиции домой и думаю: все плохо! Ну если все

плохо, тогда пойдешь, возьми веревку, намыль и повесься. И приходится говорить: все хорошо! Мне вообще самоедство не чуждо. Например, не могу видеть себя на экране. Отворачиваюсь, краснею. Ведь я мог бы и так сыграть, и эдак, а уже ничего не переделаешь! Потом неделю траур. У одного моего друга даже есть такая присказка: "Когда перестанешь себя жалеть, тогда и приходи".

- А что самое тяжелое для тебя на съемках или репетициях?

- Самое тяжелое - преодолеть свои комплексы. Мне когда-то в театре-студии сказали: двигаясь ты замечательно, а вот петь не можешь. Действительно, все, что связано с движением - драка, танец, акробатика, мне легко дается. В актерском мастерстве я знаю: то, что сейчас не могу, потом наберу. Открытый коридор. А с вокалом - все, зажим. Недавно, когда выпускали "Королевские игры", Захаров во время репетиции вдруг говорит: "Дмитрий Юрьевич, я придумал, где вы в спектакле будете петь". Я думаю: ладно, потом выучу, спою. А композитор сразу выдает мелодию: "Ну, что же вы, Дмитрий Юрьевич, пойте!" И тут Дмитрий Юрьевич подумал, а не пойти ли в отдел кадров за трудовой книжкой.

- И что, пошел?

- Нет, конечно. Стал "доставать" педагога по вокалу, чтобы она со мной занималась. В конце концов она от меня уже бегала. Я и сейчас, когда ухожу со сцены и передаю микрофон Саше Лазареву, тихонько спрашиваю: "Попал в ноты?"

- А какое чувство бывает чаще: я все могу или я ничего не могу?

- Они всегда рядом. Иногда после удачной репетиции думаешь: король! И буквально на следующий день начинаешь выдавать что-нибудь настолько несуразное, что понимаешь: у-у-у! горю! Особенно если накануне до трех часов ночи гулял напропалую.

- И часто такое?

- Раньше бывало. Но я давно понял, что си-

дешь на репетиции и думать не о роли, а о том, как бы попить водички, - не самый лучший путь. Иногда после премьеры, если на завтра нет ни репетиций, ни спектакля, а нервы уже на пределе и по ночам не спишь, это, наверное, необходимо. Правда, потом просыпаешься утром, задаешься вопросом: а с чего, собственно, напился-то? - и признаешься себе в малодушии.

- Дима, а чего надо бояться молодому актеру? Кроме того, что заставляет признаваться в малодушии?

- Наверное, легкой славы и успокоенности. Когда роль дали - и хорошо, и больше ничего не надо. Я Артист! Я лучше всех это играю! Да, хорошо, сыграл, а дальше-то что? Вот если поставить себе цель где-то там, далеко, в космосе - что, собственно, я и делаю, - тогда сразу легко становится. Чем больше карабкаешься, тем интереснее. А если ты на одну ступеньку забрался и думаешь, что всего достиг, так и сползти недолго.

- А если больше роль не предложат?

- Это в мои мечты не входит.

Беседовала Ольга ШУМЯЦКАЯ

Р. С. В ближайшее время Дмитрия Марьянова можно увидеть в "Ленкоме" - в "Юноне и Авось", "Поминальной молитве", "Женитьбе Фигаро" и "Королевских играх", а скоро еще и по ТВ, в сериале "Графиня де Монсоро".

Марьянов Дмитрий

95.